

Надежда Галиева

«Я особенно ценю искренность»

Рецензия на книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки» (2025)

Надежда Илшатовна Галиева, научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-1967-3577

Электронная почта: galieva@ranepa.ru

Для цитирования: Галиева, Н. И. «Я особенно ценю искренность»: Рецензия на книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки» (2025) // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 147–150.

Я люблю этнографические и автоэтнографические тексты, они открывают доступ в непонятные, зачастую закрытые миры, позволяют увидеть, как живут и мыслят «другие». Поэтому книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы» я открывала с предвкушением, ожидая глубокого, захватывающего повествования, которое приоткроет завесу над повседневностью органов опеки. Но уже на первых страницах, среди затянувшихся описаний здания и кабинетов, где располагается отдел опеки, я поймала себя на желании закрыть книгу. Моя реакция была вызвана тем, что авторка словно все время мечется между этнографическим исследованием, журналистским репортажем и личным дневником. В результате текст оказывается слишком литературный, со множеством придуманных сцен и диалогов, чтобы быть научным, и слишком публицистический и небрежно написанный, чтобы восприниматься как художественное произведение.

Формально книга позиционируется как этнографическое исследование, основанное на теории низовой бюрократии Майкла Липски. Но в самом тексте нет признаков академической работы, отсутствует методологическое описание,

рефлексия над полевой позицией, не приведена даже минимальная библиография. В то же время используемые художественные приемы — живые диалоги, колоритные зарисовки, многочисленные детали — не выстраиваются в убедительное литературное целое. Читая книгу, я постоянно ловила себя на том, что затруднительно сказать, где заканчивается наблюдение и начинается вымысел. Это ощущение неопределенности разрушало цельность текста и снижало доверие к нему.

Это впечатление напрямую было связано с отсутствием методологической прозрачности. Мартыненко описывает сцены, но не рассказывает, как они фиксировались, велись ли аудиозаписи, писались ли полевые дневники, как реконструировались диалоги. В результате остаётся ощущение стилизации под документальность, когда неясно, что было на самом деле, а что придумано ради выразительности.

В автоэтнографических текстах я особенно ценю искренность и авторскую рефлексию, но именно присутствия автора мне и не хватило в книге. Александра, безусловно, присутствует в тексте физически, вот она в кабинете, в суде, на семинаре. Но интеллектуально ее почти нет. Она описывает, но не размышляет, фиксирует, но не комментирует. Когда героини ведут себя грубо или высокомерно по отношению к посетителям, мне хочется услышать, что сама Александра об этом думает. Она пишет, что со временем стала их понимать, но не объясняет — как и почему. В чем она видит причины их поведения? Это профессиональная деформация, следствие работы в системе или простая человеческая усталость? На протяжении всей книги я ждала, что она задаст эти вопросы — и попробует на них ответить. Что делает людей «бездушными»? Почему хамство становится частью профессионального стиля? Где проходит граница между властью и усталостью? И у меня остался вопрос: Александра сама не смогла ответить на эти вопросы, или эти вопросы ее вообще не интересовали, или я, как читатель, должна сама сделать выводы и прийти к какому-то заключению?

Тем не менее книга ценна именно своим эмпирическим материалом. Она показывает, как устроен день рядовых сотрудниц опеки, какие есть регламенты, внешние и внутренние, ограничения и дилеммы. Наиболее удачные страницы

там, где Мартыненко обращается к теории низовой бюрократии и пытается осмыслить свой опыт через нее. Тогда текст приобретает аналитическую плотность, а героини — объем. Однако эти фрагменты коротки и разрозненны. Им противостоят целые главы, выстроенные как художественные сцены, диалоги, которых авторка не могла слышать, «домашние эпизоды» сотрудниц, вымышленные детали. Такой прием снижает доверие к тексту как к исследованию и превращает документальность в стилистическую игру.

Главный парадокс книги в том, что, заявляя желание понять «тех, кого обвиняют, но не хотят выслушать», Мартыненко почти не дает им голоса. Мы слышим, как бюрократки говорят, но не понимаем, что они чувствуют и что ими движет. За множеством диалогов и бытовых деталей нет настоящего приближения к ним как к людям. Более того, местами книга только усиливает тот стереотип, с которым она вроде бы спорит. Для меня сотрудницы опеки так и остались «тетками из опеки» — раздраженными, уставшими, местами хамоватыми, но не раскрытыми изнутри. Мне не хватило внутреннего развития ни героинь, ни самой исследовательницы. Например, в книге описан эпизод, где Александра нахамила посетителю, но этот момент не становится предметом анализа. Изменилась ли она после этого, поняла ли что-то о себе и своей роли в системе? Превратилась ли она сама в ту, кем боялась стать? Эти вопросы остаются без ответа.

Тем не менее, при всех недостатках книга читается с интересом. Мартыненко обладает наблюдательностью, и ее описания повседневности отдела опеки — кофе в одноразовых стаканчиках, звонки, раздражение от входящих без стука — узнаваемы и достоверны. Она показывает, как устроен день этих женщин, чем наполнена их рутина, какие противоречия их разрывают. Это сильная сторона книги, она действительно приоткрывает завесу над тем, как устроена жизнь «низовой бюрократии».

Но если говорить о понимании, то нет, я не стала лучше понимать этих людей. Александра обещала показать, что за безликими бюрократами стоят живые люди, но показала лишь то, что система выжигает сочувствие и заставляет хамство стать нормой самозащиты. Возможно, в этом и есть

честность книги, не оправдывать и не приукрашивать. Но этот вывод не проговорен, не осмыслен, а потому повисает в воздухе.

Как читателю и исследовательнице, мне хотелось бы большего присутствия автора, не как рассказчицы, а как аналитика, способного осмыслить увиденное. Сейчас это черновик большой работы — наблюдательной, смелой, но требующей доработки, доосмысления. «Бездушные бюрократы» раздражают, вызывают вопросы, сбивают с толку, но в этом и заключается их ценность, книга оставляет пространство для несогласия и размышлений. Это не образцовый этнографический труд, но важный шаг к разговору о повседневной этике государственной службы, о людях, которые воплощают собой систему, оставаясь при этом уязвимыми и противоречивыми.